

Общество

Российский фонд помощи

мировое сообщество	10
содружество	11
происшествия	12
культура	13
спорт	14-15

Из почты фонда

Спасите нас, пожалуйста!

Саеве Беслан, 12 лет, рак крови.
 Всей семьей — матери, отцу и сестре — мы ушли из Грозного, когда начались бомбежки. Попали в Ингушетию. Стучались в каждый дом, в конце концов нас приютил чужой дедушка. Он просто спас нас от голода и зимы. Но мы не унывали. Главное — живы и все вместе. А вот тут свалилась самая страшная беда. Двухлетний сынок Беслан стал чихнуть на глазах. Проходит несколько шагов и ложится, нет сил. И сыночки пошли по телу. Оказывается, это рак крови: миелобластный лейкоз. Добрые люди из организации «Гражданское содействие» доставили Бесланчика в Москву, а правительство столицы определило его в Морозовскую больницу. Оказалось, нужна трансплантация костного мозга. Но никто из моих детей, к несчастью, не подходит Беслану в доноры. За месяц мальчик вернулся к жизни, это называется ремиссия, и выпылала бесплатно пролечив лекарством интрон А. Бесланчик, сказали, сможет жить и без трансплантации. Только необходимо еще 12 месяцев колоть интрон А. Иначе сынок погибнет. Теперь я знаю, что такое горе. Это когда тебе говорят, как спасти ребенка, и нет денег на лекарство. Цена месячного курса — \$1000. А у нас нет ни грошевышки, чтобы продать. Я не работаю — инвалид второй группы. Зарплата мужа еле хватает на еду. Но в мире есть добрые люди. Я обращаюсь к вам. Пожалуйста, помогите Беслану выжить! *Мамы Беслана Дарьян Саева, Ингушетию.*

Раскашивает заведующая отделением Московского детского гематологического центра Ольга Куликова:

— Хорошо знаю Бесланчика. Теперь это очень подвижный мальчишка. Это и есть ремиссия. Но никто не поручится за его завтрашний день. Сыр, рецидив может наступить буквально в любой момент. Годовой курс интрона А позволит добиться длительной ремиссии. Боюсь спазить, но тогда мальчик будет действительно здоров.

Каскище Вика и Вероника, близнецы, 1,5 года, ДЦП.
 Наши двойняшки Вика и Вероника появились на свет на 2,5 месяца раньше срока. Не успели мы порадоваться их чудесному спасению (еле выжили!), как выяснилось, что у крошек детский церебральный паралич (ДЦП). Теперь девочкам по полтора года. После долгих поисков мы попали в медцентр профессора Скворцова. На первый курс (дожкам тогда было по семь месяцев) мы смогли собрать (заняли) 35 тысяч рублей. Это огромные деньги для нас. Отказываем себе во всем, тратим только на самое необходимое. Живем единственной мечтой о выздоровлении девочек. Первый же курс дал поразительные результаты. Вероника уже передвигается в ходунках. У Вики успехи поскромнее — очень большая спастика. Обе умницы, хохотушки и красавицы. Уверены — они еще станут докторскими, как все. Но сейчас мы в отчаянии. Нужны новые курсы у Скворцова, а денег нет. Мы обходимся работами, помогаем ждать неоткуда. Очень тяжело создавать, что только детям только по полтора года, а они уже инвалиды. С надеждой и благодарностью — *Ольга и Владислав Каскище, Москва, Каскищево.*

Лечащий врач девочек Ольга Тарасова из НЦП профилактика и лечения психоневрологической инвалидности:

— Дети очень повезло с родителями. Такие заблуждения. ДЦП нам раньше не лечили, тем выше эффект. Каскище обратились к нам как раз рано. Поэтому я надеюсь, мы поставим девочек на ноги. Они очень перспективные. Сейчас им требуется как минимум еще четыре курса.

Свинарев Павел, 9 лет, стеноз легочной артерии.
 Сейчас я пишу во все концы. Павлушке девять лет, у него стеноз легочной артерии. В школу его провозжат мои мама. Так он все твердит: «Баба, у меня сердце трещит, дай поспать». Хотя и школа совсем рядом от дома. Врачи уговаривают уехать на море. Но мы все-таки стоим в школе. Главное, чтоб не простудился. Как просят, так совсем задыхается. В Москве, в центре Бакулева, нас, конечно, отругали. Дад, мол, было раньше думать, а сейчас операция слишком дорогая. Хотя и нужна она Павлушке. Но это же какие тьсячки! Что делать, ума не приложу. Мы с мамой взяли Павлуку на обследование в Кострому да Москву и почти десять тысяч рублей ухлопали всего за неделю. А ведь у нас еще две дочки. Одна второклассница, а другая еще в садике. Ладно, нас поддерживают родители, но как же жить дальше? Хотят, чтобы Павлушка откладывал на операцию, на пенсионный вклад, там проценты выше. Я, как лишняя котейка заведется, тоже к ним ниско, на их вклад. А тут все накопление и потрачено на обследование Павлушки. Извините за поечер, но у меня еще в школе неважный был. Выручите Павлуку, пожалуйста! *Свинарев Н. Н., Костромская область.*

Павел Одинец из экономического отдела центра Бакулева сообщил нам, что операция для маленького костромича обойдется в 53 тысячи рублей: «Это баллонопластика. К сожалению, такие операции даже для детей бюджет не финансирует». А вот комментарию Натальи Ашастинской из Костромского управления соцзащиты:

— Благополучная, неплохая семья. При более чем скромных доходах Свинаревых (мама — библиотечка, а папа — рабочий лесхоза) дети ухожены и хорошо воспитаны. А Павлушка так просто прелесть какой ребенок. Приучен жить по строгому расписанию и при этом не унывает. К несчастью, мы не способны профинансировать его операцию.

Ильины: Павел — 15 лет, Тая — 11, Вера — 9, Тимоша — 7, Ефрем — 5, Лиза — 3, Саша — 2 лет.
 Мир вам, добрые люди! У нас восемь детей, и мы живем в большой нужде. О нашем фонде мне рассказали соседи, а они узнали из радиопередачи. Многих удивляет, что мы в такое время рашисей иметь столько детей. Но мы верующие, христиане-старобрядцы. По нашей вере abort — это убийство. Мы обязательно вырастим всех детей добрыми людьми, выучим, поможем определиться в жизни. Но сегодня, пока они маленькие, нам очень трудно. Работает только муж, я все время с малышами дома. Растим ребяток один, без родных. Вот подрастет мальчик, сформируется в детсаде — и выйдут на работу. По специальности я бухгалтер. Там будет платить. А сейчас муж после основной работы еще подрабатывает, но всего заработанного хватало только на питание. Впрочем, и на питание не всегда хватало. Если можете, помогите продуктами. Очень нужна постельные белье и одежда для всех детей. А может, есть возможность выслать игрушки и книги? Дети были бы очень рады. Извините, если что не так написала. И благословит вас Господь! *Ильина Полина Ефремовна, Оренбургская область.*

Заместитель начальника Бузулукского управления соцзащиты Вера Щербатова:

— Очень хорошо знаем эту дружную, работающую семью. За первые четыре месяца 2000 года среднемесячный подушевой доход Ильиных составил 52 рубля. Стареемся не задерживать им детские пособия, хотя другим выдают с опозданием. Выручат семью приусредное хозяйство в 20 суток. А вот с вещами прямо беда. До младших вещей не доживают.

Размеры одежды и обуви для детей Ильиных есть в фонде.

Артем Зырянов, 6 лет, глухота
 Так вышло, что расти сестра мне приходится одной. Сейчас ему 6 лет. Беда в том, что Артем не слышит. Вот уже 4 года я борюсь с его глухотой, пытаюсь максимально адаптировать мальчика к этой жизни. Узнала о методике домашнего обучения неслышающих детей речи и теперь занимаюсь с сыном по ней. У нас уже есть небольшие успехи. Стала появляться речь и даже отдельные слова. А в слуховом аппарате Артем отзывается на речь. Раз в четыре года (таковы нормы) нам выдают слуховой аппарат отечественного производства. Но их качество оставляет желать лучшего, к тому же они быстро ломаются. Два года назад город сделал глухим детям подарок: каждому по великоленному зашумному аппарату фирмы Oticon P-300. Однако чтобы Артем что-то слышал, ему надо два таких аппарата — на каждое ухо. Это так обидно: иметь и не пользоваться. Самой приобрести (это \$530) יותר мне не по средствам. Я пока не работаю, так как отдавать мальчика в детсад не представляется возможным. Живем на его пенсию да детские пособие. Не смогли бы вы нас выручить? Мы были бы так счастливы! *Ольга Зырянова, Омская область.*

Наталья Станкевич, Омское управление соцзащиты:

— У Артема двусторонняя глухота 4-й степени. Несмотря ни на что он хорошо слышит. Мигает вступ в слухом, хорошо рисует. И вполне функциональная способность слышать нужно речь по губам. Но с собственной речью трудности. Надо ставить звуки. Скорее всего, тут логопед и сурдолог — неважные помощники. Ему бы второй Oticon. Но мы не в состоянии оказать финансовую помощь.

Реквизиты фирмы-поставщика есть в фонде.

Слава Егоров, 19 лет, ДЦП
 А теперь — повторная публикация. Обычно автору отчаянного письма достаточно написать одножды, чтобы получить вашу помощь. Но изредка случаются и проколы. Письмо опубликовано, а читательская реакция недостаточна или ее вовсе нет. Мы считаем, что Слава просто не повезло. И публикуем письмо снова.

Моему сыну 19 лет. У него ДЦП в тяжелой форме. До 12 лет Слава ползал по квартире, издирая колени в кровь. Потом встал и пошел — неровно, но без посторонней помощи. А вот руки так и не работают. Пишет ногами, печатает и даже жерм себя в мое отсутствие. Умеет сидеть только на полу, поскольку все тело, голова, руки непрерывно сильно дрожат. Но интеллект у него сохранен. Очень светлая, умная головешка у моего Славы. Он легко обучается. Совсем самостоятельно закончил заочные курсы английского языка. Писать детскими. Связались с местным издателем, наемся на выход Славинкой книжки. У нас старенькая пишущая машинка, клавиатура то и дело западает. Но Слава упорный. Вот я и добрался до своей проблемы. Слава испрошено мечтает о компьютере. Стал копить, выкраивая денги с пенсии. Это, конечно, крохи. И чтобы облегчить его страдания, помогите Славу купить компьютер. Не дайте замкнуться в горе, похороните себя заживо. *Мария Егорова, Тульская обл.*

Комментарий Любови Гордовой, Тульского управления соцзащиты:

— Если бы сама не увидела, не поверила бы, но мальчишка мог бы управлять бумагу в машинку, регулировать струку и печатать. Снимать трубку телефона, набирать номер. Это чудо какое-то. А родители на Славу крест. Он и английский выучил, чтобы освоить компьютер. Захватил в четырех стенах, Слава полон знаний и идей. Его рассказы публикует местная газета. Ему нужен не только компьютер, но и принтер. Помогите ему!

Для тех, кто впервые знакомится с деятельностью Российского фонда помощи
 Российский фонд помощи создан осенью 1996 года. Он действует как посредник между людьми, которые оказались в беде, и людьми, готовыми им помочь. Фонд получает письма-просьбы и после тщательной проверки публикует их в газете «Коммерсантъ» и журнале «Домовой». Если вы решили поддержать оказавшихся в беде людей, вы звоните в фонд, получаете их адреса, банковские реквизиты и дальше действуете самостоятельно.

Адрес фонда: 125252, Москва, а/я 50, Российский фонд помощи. Тел.: (095) 943-91-35, тел.факс: (095) 158-69-04. E-mail: rfp@kommersant.ru

Дети — долги наши

Лев Амбиндер

Российский фонд помощи

Кажется, наш фонд и впрямь стал взрослым. Главный редактор «Коммерсанта» предложил подготовить очередную страничку к Дню защиты детей. Готовили с огромным удовольствием. Потому что, как и главный редактор, убеждены, что защищать детей есть от кого и от чего и делать это следует ежедневно.

Как любил говаривать незабвенный классик, лучший способ отметить дату — сосредоточиться на нерешенных вопросах. Что касается детей и благотворительности, то нерешенных проблем тут больше, чем решенных. Возьмем наготову. Для наглядности вот история. Ей уже два года, а все не отпускает. Два года назад из больницы выписали в родную Чувашию 9-летнюю Натаншу Нагускину. Очень тяжело больную. И недолеченную. Так бывает с обреченными взрослыми, а тут — совсем кроха. И больница детская — Российская клиническая. Выписали не от того, что безнадежна. То есть, слава Богу, не ради статистики. Ошалевший отец повел одно: врачи знают, как лечить и чем, но не знают, что. Нет денег. В сущности, выписали от бессилия. Конечно, не надо упорствовать. Денег проведи недельный курс лечения и-за нехватки препаратов. Но и то правда, что препарат не дал ожидаемой реакции и надежда врачей была на так называемый долгосрочный эффект. (А, неврач, максис: а ну как курс был бы полным?). Кто-то из нас, возможно, помнит письмо священника Георгия Чистякова об этой девочке. Некоторые помнят наверняка: они собрали Натанше \$16 974. Часть денег отцу вручили налом, а другую перевели на счет больницы. А там от поступившей суммы в строгом соответствии с законом 20% перечислили в бюджет в качестве НДС. Отсюда и непонятный курс. Закон освобождает дарителя от уплаты НДС, однако больной этих денег все равно не видит. Нагускиной еще повезло с тем, не сохранил положительный. Другим в других местах везет меньше. Там срываются даже с почтового перевода, если узнают, что это благотворительность. Мы отслеживали судьбу Натанши все это время. Чужие люди слали ей в Чувашию новые тысячи долларов. Снастис сообщит: жива, весела, вся в кудряшках наша Натанша! Чудо, конечно.

И вот простой вопрос: кому голову морочить, господа власть имущие, законодатели и исполнители, родные наши, плоть от плоти народный? Может, я пропустил, но поправка, запрещающая взимать налоги с сумм, передаваемых здоровыми гражданами и юридическими лицами на лечение тяжелобольными, так и не была принята. Ни в проектах, ни в нынешней. Ни в первом, ни в каком чтении. Потому что это и не внести те самые депутаты, что шлют нам на банковскую просьбу «изыскать возможности по выделению средств» в помощь больной и глубоко несчастной судьбе. Те самые, что жутко озабочены падением рождаемости вообще, ростом смертности в целом, а также сокращением народонаселения. Государство не выполняет конституционные обязанности перед детьми, при пустой госказне тысячи людей отдадут кровные для спасения чужих детей. Так им еще и бы не мешать. Еще бы и детей не оборвать. Это длится годами. А сейчас, когда и Духовная, и на законодательную реформу всем миром замалчивают, проблему опять норовят оставить за порогом. Эксперт Госдумы по вопросам налогообложения Ольга Макаренко убеждена, что на самом деле все еще хуже. Скандалы вокруг благотворительности известны. Реальный же вклад жертвователей замалчивается. И вот уже думские ревнители чистоты финансовых отношений объявляют безотчетными типами защитников идеи развития благотворительности. Развешено, понимаешь, мошенничкой! А идея, в сущности, проста. Сегодня для лобного налогоплательщика разница, коммерческая или некоммерческая перед ним компания. Закон суров, но это закон! — тычут в нас банальностью. А кто бы спорил? Вот и следует закононо освободить некоммерческие операции от налоговых режимов, характерных для коммерции. Вокруг благотворительности поставили столько барьеров, что нормальным людям просто ходить нельзя. И только ленивый не знает, как нормальный человек идет на стовор с нормальным чиновником. Первый передает черный нал нуждающимся. А второй закрывает на это глаза.

Как выясняется, нельзя лишить человека права быть добрым. Не получается — и все тут. Может быть, это одно из редчайших завоеваний последнего десятилетия. Что же до мошенничества, то что уж так скрывать, оно записано не вчера. Ловить надо, господа, ловить. Ну не приходится же никому мыслить закрывать «Ижмаш», свернуть выпуск «калешей» на том основании, что подпольные бандиты в Чечне пьют из них по фиделам?!

А теперь отчет. На последней странице фонда («Ъ», 11.05.2000) мы рассказали о беде 25-летней Димы Павленко из Свердловской области. С армейской службы его привезли без рук и без ног. Так получилось, несчастье во время учений. Те бовались протезы. Отечественные бесплатные не годились по попятным причинам. На следующий день после публикации там появился генеральный директор ОАО «Композитивное объединение „Свобода“» Клавдия Чигарина. Рабочие прочитали статью о Диме, сказала она, и постановили отработать один день в пользу Павленко. 20 мая такой субботник был санкционирован трудовым коллективом. И вот как раз сегодня «Свобода» перечислила в Екатеринбург 322 912 рублей на немецкие протезы руки и ногу, а также на двухгодичное обслуживание парней в ортопедическом центре и впрод на гелиевые вкладыши.

Серже Никитину (Подмосковье) на препарат пролейкин собрано \$7200. Марине Тонкич, пионер без мотора, в Омск отправлена новая пишущая машинка «Бразер». Людмила Иванова, мать пятерых детей из Чувашии, получила 8200 рублей на покупку коровы. 16-летнему Стасу Добарину отправлено в Новосибирск на операцию по поводу сколиоза \$5593,5. А Татьяна Парамоновна на лечение дочери Насти — 34 700 рублей. Особенно много откликнуло на письмо из Кирилеевского детдома (Тульская область). Сюда прибыло 23 посылки с книгами, игрушками, альбомами, красками, карандашами, фломастерами и пластилином, шесть посылок с одеждой и обувью, новая стиральная машина Bosch, 539 метров бязи на постельные белье, 20 пар новых носков, а также 14 тысяч рублей. Без отсылки пока остались письма 19-летнего инвалида Славы Егорова. Всего помогли на 865 773 рубля (\$30 697,6).

Помогли: Мурат (Санкт-Петербург), Борис (Кааана), Наталья Михайловна (Новочеркасск), Люба, Юля, Ольга, Рита, Никита, три Татьяны, Катя, Геннадий, три Ирины, Дина, Сергей, Борис, Ольга, Марина, Елена Николаевна, Олег, Дарья, Андрей, Наталья, Максим, ученики былого класса школы № 270 (всё — Москва).

Всем спасибо!

Что было дальше...
 Два года назад наши читатели оплатили покупку трех тренажеров Гросса для Кузинского интерната для детей-инвалидов (Челябинская область). Сюда свозят со всей России самых безнадежных с нарушениями опорно-двигательной системы. Тех, от кого в других местах отказались. Мы тогда опубликовали страстное письмо директора интерната Тамары Потаповой, и собранных вами, друзей, денег хватило еще и на командировку в Кузу изобретателя тренажера Юхана Гросса. Он смонтировал, отладил аппараты и дал первые уроки.

Представьте малыша, который в семь лет от роду ни разу не встал. Совсем ни разу. Детский церебральный паралич — атрофированные ноги, нарушения вестибулярного аппарата и оптико-пространственной ориентации. Умная голова и дурная, мало кому понятная речь. Ему делают операцию, снимая спастичу (сверхнапряжение) мышц. Теперь ноги уходят — должны уметь! — сгибаться. Его ставят вертикально, на костыли. А он падает. Опять ставят. И тот же результат. И в мальше рождается жуткий, до врыты, страх. Не каждому удается справиться. Тогда ДЦП не дается.

В тренажере Гросса малышка закрепляют в многочисленных ремнях, и сначала она похожа на парашютиста в воздухе. Но он не падает — и ему совсем не страшно. Месяцами из дня в день, сначала минуты, потом часы он двигается в этих ремнях. Только через год ему предлагают костыли. Дети становятся на них сразу, не испытывая страха.

Коля Пепенко сейчас уверенно носит по интернату. На

ГЕРМАН ГАЛКИН, Челябинск

Сегодня — День защиты детей. Москва, спецконтингент одного из детдомов для умственно отсталых детей

Выйти или не выйти

На всю Тульскую область есть только одно детское туберкулезное отделение. На всех больных туберкулезом детей Тульской области только две игрушки и ни одного футбольного мячика. Ни одного магнитофона и один черно-белый телевизор «Славутик». И рентгеновый аппарат у них сломан. И вентиляции нет. Помогите!

Мальши в игровой комнате

Чего ждет Ирочка

Ирочка Казаковой два года. Она ходит в одной туфельке. Вторая куда-то потерялась. А может, ее и не было никогда. Ирочка не знает, где вторая туфелька. Или не хочет говорить. Или не может. Ирочка вообще плохо говорит, потому что маленькая и потому что кроме осложненной формы туберкулеза у Ирочки еще и детский церебральный паралич.

Зато у Ирочки есть мама. Правда, мама тоже потерялась, как туфелька. Ирочка не знает куда. А знает заведующий детским отделением тульского туберкулезного диспансера Олег Лямичев. Лямичев говорит, что еще до рождения ребенка Ирочкина мама заболела туберкулезом, никогда не лечилась и только после родов оказалась во взрослом отделении диспансера. Девочку с тяжелой формой туберкулеза тогда же определили в детское. За два года состояние мамы, несмотря на все усилия врачей, не улучшилось, болезнь прогрессирует.

Скоро Ирочкина мама умрет. Она сама это знает. Несколько месяцев назад мама попросилась выписаться из больницы. Но ее не пустили ни к двухлетней дочери, ни к четырнадцатилетнему сыну Серже, лежащему все в том же детском отделении все того же тульского тубдиспансера. Сказали, что мама у Ирочки — опасный бациллоноситель. И ей нельзя видеться с Ирочкой, потому что Ирочка здорова. Только ее некуда выписать, потому что отец в городе Суворова у Ирочки такой же алкоголик, как мать. А в детский дом при живой матери нельзя. Поэтому Ирочка, которую врачи вывели из туберкулеза, продолжает жить в туберкулезной больнице и ждать чего-то. Ирочка не знает, чего ждет. На самом деле она ждет, чтобы мама умерла. Тогда, может быть, жизнь немножко наладится.

Мальчик без мячика
 У нас всегда есть дети, так или иначе связанные с криминальным миром, — говорит Олег Лямичев. — Либо сами уже побывали под следствием, либо родители отбывают наказание или уже вернулись из мест заключения, наградив детей тюремным туберкулезом. Недавно вот наши дети набили карбитом пластиковую бутылку и бросили в унитаз. Санузел разнесло в клочья. Хорошо еще сами целы остались.

Сегодня в отделении только один удивительный пациент — 16-летний Женя Сдобков. У Женки в ноябре умерла мама. От туберкулеза. За несколько дней до ее смерти Женя с приятелем украли в соседнем доме несколько килограммов конфет. «На пикник собирались». Сразу после похорон Женку арестовали, поместили во взрослую камеру тульского следственного изолятора. Там и выяснилось, что мальчик болен туберкулезом. Но в больницу Женя попал только через три месяца, после суда. Суд признал его виновным в краже двух килограммов конфет и осудил на два года условно. Женя говорит:

— Скукотаща. Хочется выть и бежать. На первом этаже есть черно-белый телевизор «Славутик». Старый, его включают только для самых маленьких, когда «Спокойной ночи, малыши!». За больницей футбольное поле, но мячика все равно нет. Вот и шатаемся. Когда есть денги, покупаем в ларьке напротив сигареты и пиво. Нельзя? Хотелся. А в обещанной мной. Отец устроился в Москве чернорабочим. Защибает клево. Ждет меня.

Два пластмассовых крокодила
 Детское отделение единственного на всю Тульскую область туберкулезного диспансера всегда переполнено. Сегодня здесь 60 ребятшек со всей области от грудных младенцев до семнадцатилетних подростков. Двухэтаж-

ный барак, осыпавшаяся желтая штукатурка, полиэтилен вместо стекла в большинстве покосившихся окон. Внутри стерильно до дыр лилому. Протекшие потолки. Облезлые, давно некрашенные стены. Ржавые радиаторы отопления. Черные пятна плесени в углах.

— Канализация насковзла прогнила, — говорит заведующий отделением Олег Лямичев. Как будто оправдывается.

Мы идем по коридору. С непривычки трудно дышать. Хочется марлевого повязку. Я опасливо прикладываю ладонь ко рту.

— Это вы зря, — улыбаются Лямичев, — детский туберкулез не заразен.

Мне становится стыдно, я мямлю:

- Душно зато у вас.
- Это точно. Потому что система принудительной вентиляции отключена еще десять лет назад по причине неисправности. Когда сгорел мотор вентилятора, мы стали проветривать только через окна. Этого, конечно, мало. До прошлого ноября еще работала вентиляция на пироблоке и в рента-кабинете. Но кто-то украл медные детали моторов, и теперь вентиляция в отделении нет вообще.

— Как же рентген без вентиляции?

— Да от рентгена этого вреда больше, чем пользы. Аппарату нашему лет по сотвор, безнадежно устарел. Очень сильное облучение. Без вентиляции это особенно опасно.

В отделении десять палат. Из мебели только дряхлые кровати. Нет тумбочек, стульев, столов. Дети ходят в обноски, которые приносят из дома медперсонал. У детей нет книг, игр, видео- и аудиоматериалов.

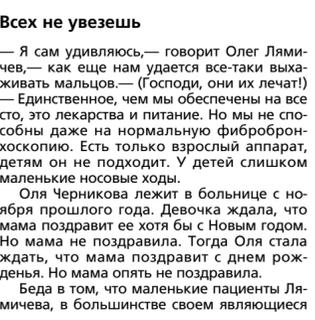
— А вот, — говорит Лямичев, — это у нас игра.

И мы входим в абсолютно пустую комнату. Совершенно пустую комнату, в которой все игрушки — два пластмассовых крокодила. Больше ничего.

Всех не увезешь
 — Я сам удивляюсь, — говорит Олег Лямичев, — как еще нам удается все-таки выхаживать малышей?.. (Господи, они их лечат!) — Единственное, чем мы обеспечены на все это, это лекарства и питание. Но мы не способны даже на нормальную фибробронхоскопию. Есть только взрослый аппарат, детям он не подходит. У детей слишком маленькие носовые ходы.

Оля Черникова лежит в больнице с ноября прошлого года. Девочка ждала, что мама поправится, но мама с Новым годом. Но мама не поправилась. Тогда Оля стала ждать, что мама поправится с днем рождения. Но мама опять не поправилась.

Беда в том, что маленькие пациенты Лямичева, в большинстве своем являющиеся

Вот это и есть детское отделение Тульского тубдиспансера

ИРИНА ПАРАМОНОВА, п. Петелино, Тульская область

Необходимое послесловие

Мы очень волновались, готовя к печати этот репортаж. Обычно в большой публикации фонд развертывает письмо мамы больного ребенка или обращение нуждающегося в помощи взрослого. Это в духе нашей концепции: частному несчастью помогают частные же люди или юридические лица. До сих пор проколов не было — читатели помогали всем. Сегодня же мы отступили от правила, прочитав письмо главы диспансера Адольфа Лазарева. Рискуем, конечно. И все же очень надеемся на ваше понимание.

ЛЕВ АМБИНДЕР, НИКОЛАЙ МОРЖИН

Детское отделение Тульского областного противотуберкулезного диспансера остро нуждается в капитальном ремонте и новой мебели. Для замены сгнивших оконных рам, полов, канализационных труб требуется 1 млн 150 тыс. рублей.

Обновление мебели обойдется в 175 830 рублей:

- 35 детских и 35 взрослых кроватей (73 150 рублей),
- 70 прикроватных тумбочек (57 330 рублей),
- 15 обеденных столов (18 750 рублей),
- 70 стульев (26 600 рублей).

Медоборудование стоит 1 810 069 рублей:

- малодозная цифровая рентгенографическая установка «Сибирь» — 1 293 750 рублей,
- бронхофиброскоп BF-TE или BF-PE производства фирмы Olympus (Япония) — 220 163 рублей,
- аппарат для УЗ-терапии УЗТ-1.01Ф — 7280 рублей,
- аппарат для дарсанвализации «Искра» — 5460 рублей,
- аппарат электрофореза «Поток-1» — 1190 рублей,
- ультразвуковой сканер SSD-500 МКРКУС с конвексным датчиком (Япония) — 282 226 рублей.

Адреса фирм есть в фонде.